

"И возвратился Моисей к Господу и сказал: о, народ сей сделал великий грех; сделал себе золотого бога. Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал"

(Исх. 32: 31-32)

"И еще я скажу: собеседник мой прав, В четверть шума я слышал, в полсвета я видел, Но зато не унизил ни близких, ни трав, Равнодушием отчей земли не обидел"

А. Тарковский

ТВОЯ РОДИНА

Нашему земляку поэту и журналисту Николаю Николаевичу Шibaкову 9 декабря исполнилось бы 75. Этим очерком Олега Михайловича Хомякова мы открываем серию публикаций, посвященных памяти этого незаурядного человека нелегкой судьбы.

Редколлегия.

О ХОРОШЕМ РУССКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

СЛОВО ПАМЯТИ

Я шел по залитому теплым, по-осеннему спокойным солнцем большому южному городу.

Возможно, особое, закрытого типа военное училище, куда я поступал после окончания средней школы в г. Шарье, по сей день на том же месте, потому о названии города умолчу.

Не прошел медкомиссию. Но, может, где-то она не такая строгая?

Стоп! Военные, офицеры и курсанты, видны с тротуара на фоне красивого 4-х этажного здания. Присмотрелся. «Белопогонники»?.. Да — училище готовило армейских финансистов.

Ну нет. Арифмометр крутить в финчасти? Я тверже зашагал к вокзалу...

«Это потому, Олег, что у тебя не было ни малого представления о начфинах. А тогда, в 52-м, ты мог с тротуара видеть меня в погонах с белым курсантским кантом...»

Эти слова я услышал годы и годы спустя от Николая Николаевича Шibaкова. Познакомился с ним, тогда уже лауреатом премии им. Серкова, в редакции газеты «Ветлужский край».

Начать с того, что отбор в училище был весьма строгим — именно не по физическим, а, скажем так, моральным параметрам. Армия — это прежде всего огромные траты по статье «на оружие», на конечном этапе эти денежные реки текут по руслу ладоней финансистов в погонах. Ответственность огромная, честность начфина той или иной воинской части должна быть кристальной. Это верные, неподкупные стражи большого, когда-то безразмерного Армейского Кошелька.

Скажут, будь честен и дело с концом. Таких спрошу: почему сегодня замминистра обороны по финансовой части... женщина? И не в погонах?

В этих случаях в новые времена принято говорить: без комментариев.

Вернемся к Коле Шibaкову в год окончания единственного в стране военного финансового училища. «Парень из Шарья» настолько себя зарекомендовал — с самой лучшей стороны во всех отношениях от учебы до комсомольской, общественной работы, — что его сразу направили не только в элитную часть, летный полк, но... в Германию, в советскую группу войск. Обычно туда отбирали тех, кто прошел проверку безупречной службой внутри страны.

И что же? Лейтенант, старший лейтенант Шibaков служил образцово, на его служебной и человеческой совести не было ни пятнышка.

Но военная служба по природе своей непредсказуема. Тревога! Бумаги в сторону. В Восточном Берлине первая после смерти Сталина антисоветская провокация. Пламя «бунта» могло быстро перекинуться на города, земли ГДР, и всё в те роковые минуты зависело от выдержки и распорядительности офицеров, поставленных во главе групп и отрядов советских воинов. Н. Н. Шibaков — один из них. Природная душевность, такт, не в последнюю очередь мужская редкая красота (мало кому из моих знакомых так шла военная форма!), мгновенно к себе располагающая, погасили не одну вспышку противостояния по ходу движения возглавляемой им автоколонны. Удалось даже сытно покормить солдат в придорожном кафе...

Конечно, и сама жизнь непредсказуема.

В мелочах. Например — едет Николай в штаб, натываются они с шофером на «Мерседес», у которого заглох мотор. Наш шофер открыл капот, все понял и зашагал в поле... Вернулся с турнепсом, вырезал из него «заглушку», вставил в конденсатор. Сказал немцам, супружеской паре: «До ближней мастерской доедете, сменийте конденсатор». Как узнали потом, немец, бывший офицер вермахта, сказал жене, покручивая баранку: «Знаешь, я только сейчас понял, что русских мы не могли победить в войне никогда».

А это уже не мелочь.

«Дело в любопытстве, — рассказал Николай, — хотя, при отсутствии информации, западный мир, конкретно, Западный Берлин, казались нам чем-то вроде зоопарка, в который не может не тянуть деревенского мальчишка, попавшего в город. Тем более, что попасть в тот сектор Берлина ровно ничего не стоило: проехал лишнюю остановку на метро и ты — на Западе. Для нас, советских людей, это запрещалось, даже строжайше. Но удаль-то русская на что? Находились смельчаки. Да, рулетка, опять русская. Однако кому-то и сходило, патрули, сексоты не заметили. Я — рискнул. Повторю, это скорее было пробуждением (в каком-то смысле и массовым, хоть в разной степени) инстинкта свободы. После ухода «от дел» генералиссимуса!.. Что ж, глянул на «ихнюю» жизнь, побродил по улицам, выпил «их» пива и — назад... Но не прошло и двух дней, как меня вызвали «в кадры». Полковник спросил, не здороваясь: «Вы были в Западном Берлине?» Я — честно: «Был». «Зачем?» «Из любопытства». «Жаль расставаться с вами, хороший офицер, грамотный финансист, но — выбирайте округ в Советском Союзе для прохождения дальнейшей службы». Все ясно: засекли, донесли, но что до округа... мог бы ведь и на Украину, и в Крым, и на Кавказ. Я — в Сибирь. Нет, нет, не «самоссылка!» Просто, Олег, так вдруг захотелось родные места повидать, сделать остановку в Шарье, махнуть в Николо-Шангу, что выбрал — Новосибирск. И поехал, и остановился в Шарье, и увиделись маковки церкви нашей, николао-шангской, слезы ручьем, понимаешь?... И чтоб я потом (служба в Сибири «не мед») хоть минуту пожалел о выборе — да, кстати, и о содеянном в берлинской подземке! — этого никогда не было. Вот тебе и «малая Родина»!

...Что-то я расписался, хотя в этом «инциденте» с залетом на Запад образцового советского офицера из ВВС, может быть, весь Николай Николаевич Шibaков. Такая вот русская, очень русская натура!

Он в глубине души был очень привязан — к книгам, к литературе. Настало время, когда, что называется, потянуло к перу. Армия ограничивала кругозор: часть, штаб, стол. Он — подал в отставку.

И снова никогда не раскаивался, не жалел, хотя перепад в «личном денежном довольствии» — по возвращении на родину — больно ударил и по карману и по самолюбию.

Зато начался, и довольно скоро, расцвет его несомненного литературного дара!

Надеюсь, об этом скажут подробнее те, кто следил творческий путь Николая Николаевича Шibaкова с его первых шагов — в журналистике, иных литературных жанрах.

Как-то в «Ветлужском крае» я увидел снимок. Красивый, лиричный: «Мы на лодочке катались...» Шарьинские девушки — одна другой лучше, и эта — прелесть, но уж больно хорош был на веслах молодой офицер.

Не кадр ли из фильма, невольно подумалось мне, кинематографисту: «Сердца четырех» — так погон еще не было у командиров, «Беспокойное хозяйство» — так молодой герой там мужеской красотой не отличался.

Оказалось, Николай Шibaков с будущей женой в один из его офицерских отпусков. Когда в летном полку еще не убыло, а в писательском не прибыло.

Рано, рано ушел ты в мир иной, дорогой незабвенный Николай!

Да и жизнь твоя, и перо, и библиотека, любовно тобой собранная — все принадлежит истории той земли или стороны, о которой у поэта Алексея Решетова с гениальной простотой сказано:

Березок дружная семья,
Да тихая завалинка —
Всё это родина моя,
Хотя и с буквы маленькой.

Н. Шibaев

ИСХОД

Почему оказался в неволе?

До сих пор я понять не могу
Я здоров, абсолютно не болен
В заколдованном этом кругу.

Ниоткуда моральной поддержки:
Как отпетый бандит и злодей.
В одиночество снова повержен,
Изолирован я от людей.

А за что? Где ответ я услышу?

Да и слушать меня не хотят...
Может только услышит Всевышний...
Это просто ведь, как говорят.

И отдамся на волю я Рока,
Будь что будет! Такой мой удел.
И не спросят, а что же до срока,
Очень рано он так поседел.

И зарюют и скоро забудут,
И не будет никто вспоминать.
На могиле, заросшей повсюду,
Будет ветер один напевать.

Напевать заунывную песню,
Монотонную песню без слов.
И не многим я буду известен.
Скажут: «Был вот поэт Шibaев».

И ничто не изменится в мире,
И не сможет никто изменить.
Коль мученья, страдания предвидеть,
Так не стоит на свете и жить.

ОЛЕГ ХОМЯКОВ

Октябрь 1984